Б 13 5/1307

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ВРЕМЕНИ.

Маріи Николаевны

Дитрихъ

чл. Спб. Археологическаго Института.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

РУССКАЯ

ЖЕНЩИНА

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ВРЕМЕНИ.

Маріи Николаевны

Дитрихъ

чл. Спб. Археологическаго Института.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 23 Января 1904 года.

296957

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

ОТЦУ МОЕМУ

И ТОВАРИЩУ ДѢТСКИХЪ ЛѢТЪ

Графу Николаю Ивановичу

де-Рошефоръ

посвящаю свой первый печатный трудъ

М. Дмитріевъ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ВРЕМЕНИ.

Долголѣтнее теремное затворничество русской женщины, отъ котораго она такъ сравнительно недавно избавилась, сковавшее ея волю, ея способности, развитіе, проявленія какой либо дѣятельности, отнявшее у нея всѣ человѣческія права, кромѣ единственнаго—дѣторожденія—это затворничество совершенно отодвинуло отъ насъ и загородило собой другую эпоху—когда женщина признавалась человѣкомъ, когда она свободно пользовалась всѣми дарами природы и способностями, данными ей Богомъ.

Я говорю о первыхъ вѣкахъ развитія русской жизни. Эта эпоха рѣзко дѣлится на два періода: языческій и христіанскій.

Въ языческій періодъ образъ русской дѣвушки или женщины представляется въ очень яркихъ и сильныхъ чертахъ; она—равноправный членъ общества, владѣющая чарами красоты и любви, смѣлая и удалая, обладающая иногда даже даромъ пророчества, возводившаяся въ культъ, какъ вѣщая дѣва, существо полумиѳическое.

Другой періодъ, христіанскій, внесъ византійскія понятія въ русскую жизнь, принесъ господствовавшее какъ разъ въ тогдашней византійской литературѣ направленіе—различныя выходки противъ женщинъ, обличенія женской злобы, обвиненія въ колдовствѣ, такъ что, съ принятіемъ христіанства, положеніе русской женщины ухудшилось, сравнительно съ языческой свободой и равноправностью, но значеніе ея, въ силу ея нравственнаго превосходства, увеличилось, такъ какъ, въ лицѣ монахини, она проявила много подвиговъ высокаго самоотверженія, много стремленія къ идеаламъ чистоты и

непорочности; она съежилась, ушла отъ обвиненій подъ сѣнь новой религіи и, какъ прежде, горячо и страстно предавалась обычаямъ языческаго культа, такъ теперь беззавѣтно отдалась служенію этой новой религіи, почувствовала въ себѣ новую силу, нравственную, силу терпѣнія, преданности долгу и самоотверженія.

Язычество, при всѣхъ своихъ непривлекательныхъ сторонахъ, имѣло какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у насъ,—много поэтическихъ, красивыхъ сторонъ въ своемъ культѣ. Служеніе олицетвореннымъ силамъ природы ставило язычниковъ въ постоянное и тѣсное общеніе съ этими силами.

Ихъ обряды, которые были неразрывно связаны съ ихъ образомъ жизни, нравами и обычаями, даютъ намъ нѣкоторый матерьялъ и для характеристики женской личности, и того положенія, которое она занимала.

Не надо забывать, что христіанская религія, быстро усвоенная и принятая правящимъ

классомъ, очень долго и очень медленно проникала въ глубь страны, и простой народъ еще долго сохранялъ большинство своихъ языческихъ вѣрованій, отголоски которыхъ доходятъ къ намъ въ пѣсняхъ, преданіяхъ и обычаяхъ и до сихъ поръ [1]).

Вотъ почему намъ важно коснуться нѣкоторыхъ сторонъ языческаго культа, чтобы уяснить себѣ положеніе женщины того времени.

Наиболѣе яркими и характерными были празднества и игрища солнечнаго культа.

Солнечныхъ боговъ въ древней Руси былъ цѣлый Олимпъ и, что очень характерно,— они стояли попарно, т. е. каждому мужскому божеству соотвѣтствовало женское, такъ: Хорсъ и Хора, Ярило и Яровица, Ладъ и Лада, Лель и Ляля, Чурило и Чурилья [2]).

Празднества въ честь Ярилы, бога солнца, и сына Ляли, богини весны, происходили съ

---

1) Вмѣстѣ съ тѣмъ, религія замѣняла первобытному язычнику и искусства и науки, въ ней онъ находилъ все, что краситъ и разнообразитъ жизнь, въ ней же отражались самыя яркія стороны его характера.

2) См. старо-русск. солнечн. боги и богини. Аѳанасьевъ.

пробужденіемъ природы отъ зимняго сна, въ апрѣлѣ и продолжались вплоть до солнцеповорота въ половинѣ іюня, когда солнце, по народному преданію, постепенно старѣетъ, убываетъ и изъ цвѣтущаго юноши превращается въ дряхлаго старца; тогда происходило погребеніе Ярилы и соломенное чучело Ярилы, увитое цвѣтами и зеленью, хоронили, прощаясь съ нимъ до будущаго года.

На играхъ въ честь Ярилы, на заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ, собиралась молодежь; здѣсь женихи высматривали невѣстъ, а невѣсты жениховъ и такъ какъ и Ярило, и Ладъ, и Лель были богами брака и любви, то среди пѣсенъ, плясокъ и игръ завязывалась, свободно и просто, взаимная любовь, составлялась будущая семья и дѣвушки были также свободны въ выборѣ себѣ мужа, какъ и юноши—жены; а нѣсколько вольный и, быть можетъ, черезчуръ легкій взглядъ старшихъ, охотно отпускавшихъ дочерей своихъ на Ярилины игрища, объясняется тѣмъ, что дѣвушка, пріобрѣтавшая любовника, становилась всегда, впослѣдствіи, его женой.

Дружень-юноша женился, по народному выраженью, «на присушницѣ, красной дѣвицѣ, своей прежней полюбовницѣ».

Въ лѣтописи читаемъ о родимичахъ и вятичахъ: «и браци не бываху у нихъ, но игрища межу селы; и схожахуся на игрища, на плясованья и на вся бѣсовскыя пѣсни и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщевашеся»[1]).

Впрочемъ, было нѣкоторое различіе въ обычаяхъ у разныхъ племенъ славянскихъ; такъ, у дикихъ древлянъ, родимичей и вятичей было въ ходу «умыканіе» женъ и бракъ продолжался, сообразно желанію, иногда очень не долго; имѣли даже по нѣскольку женъ. У болѣе культурныхъ и мирныхъ полянъ браки совершались по заранѣе выясненному соглашенію и невѣсту приводили въ домъ къ жениху ея родные.

И долго спустя, даже послѣ принятія христіанства, бракъ совершался однимъ обоюднымъ договоромъ, по той простой причинѣ, что священниковъ еще было очень мало, хра-

[1]) Т. е. кто съ кѣмъ заранѣе сговорился.

мовъ также и были они только по большимъ городамъ и въ глушь непроходимую славянскихъ дебрей не скоро проникли.

Но если на такія брачныя узы и существовалъ иногда легкій взглядъ, то со стороны мужчины, а не женщины.

Любовь и привязанность славянской женщины видны, какъ изъ нашихъ, такъ и изъ чужихъ извѣстій: Императоръ Маврикій говоритъ о Дунайскихъ славянахъ: «жены ихъ выше всего хранятъ вѣрность къ мужьямъ своимъ, такъ что многія изъ нихъ утѣшаются въ смерти мужа только собственною смертью [1]). Да и во многихъ нашихъ славянскихъ племенахъ вдовы добровольно шли на сожженіе за прахомъ мужа.

Самый яркій, самый характерный типъ женщины-язычницы того времени мы имѣемъ въ княгинѣ Ольгѣ; это—не исключительная, не обыкновенная женщина, это, въ сущности, яркій типъ своего времени и только высокое положеніе ея и дѣлаетъ намъ ее такой извѣстной; а сколько было тогда женщинъ

---

1) Добряковъ. Русск. женщины въ домонгольск. періодъ СПБ. 1864 г.

такого же типа, безвѣстныхъ, о которыхъ никакой лѣтописецъ не зналъ, и до насъ поэтому о нихъ ничего дойти не могло!....

Ольга осталась владѣть Русской землею, по смерти мужа, какъ князь; и она совершенно по мужски, съ замѣчательной энергіей управляетъ княжествомъ. Она прежде всего, какъ страстная язычница, достойно отомстила сама за Игоря, сама идетъ къ древлянамъ съ дружиною и съ маленькимъ сыномъ и покоряетъ ихъ Кіеву окончательно; потомъ сама же ходила по Древлянской землѣ, законодательствуя и водворяя порядокъ въ опредѣленіи даней и оброковъ [1]).

Не могло же все это явиться у нея вдругъ, со смертью мужа; очевидно, что она съ дѣтства привыкла къ полной свободѣ, росла и развивалась въ тѣхъ же условіяхъ, какъ росли юноши, и даже такія развлеченія, какъ охота, не были ей чужды; объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіеся послѣ нея, въ мѣстахъ ея стоянокъ, «ловища и перевѣсища».

---

[1]) Забѣлинъ. Домашн. бытъ русск. Царицъ стр. 73.

О земскихъ походахъ ея и объ устройствѣ ею земли память жила еще въ XI—XII столѣтіяхъ.

По торговымъ дѣламъ Ольга тоже сама идетъ въ Царьградъ, и наконецъ она, убѣжденная, сильная язычница—первая изъ всего тогдашняго общества проникается свѣтомъ христіанской религіи и становится на недосягаемую высоту христіанскаго идеала.

Какъ мать, Ольга сама воспитывала своего сына до возмужалости и, вообще, попеченіе о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи всецѣло лежало на матеряхъ; отцамъ, съ ихъ войнами, охотами, грубыми нравами было не до того; женщина же находила въ себѣ достаточно энергіи и любви, чтобы, когда нужно было, править всякое, даже и мужское дѣло съ честью и любить и растить новое поколѣніе.

Отсюда то уваженіе къ достоинству и значенію матери, которое мы встрѣчаемъ въ русскомъ обществѣ въ языческую пору [1]).

Особенно яркій примѣръ материнской

[1]) Добряковъ стр. 34.

любви языческой эпохи даетъ намъ мать Св. Ѳеодосія; она долго боролась со странностями сына, съ его постоянными уходами отъ нея со странниками; наконецъ, разъ онъ совсѣмъ ушелъ отъ нея и ей сказали, что ея сына видѣли въ Кіевѣ, въ пещерахъ; она сейчасъ же собралась туда и исходила всѣ монастыри, когда узнала, что сынъ ея въ пещерѣ у преподобнаго Антонія.

Долго она и лаской и угрозой старалась добиться свиданія съ сыномъ, который не хотѣлъ къ ней выйти, наконецъ, преподобный сжалился надъ ней и уговорилъ Ѳеодосія выйти къ матери.

Но на всѣ ея слезы и мольбы вернуться къ ней онъ оставался непреклоненъ и тогда, чтобы хоть изрѣдка видѣть сына, чтобы быть съ нимъ—она сразу рѣшаетъ не возвращаться домой, а постричься въ монахини въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей.

Есть еще одна, довольно характерная сторона языческой Руси, которая осталась по-

томъ отчасти и въ христіанской, гдѣ женщина пріобрѣтала особое значеніе: ея любовь къ природѣ и чуткость заставляли ее глубже проникать въ явленія природы и пользоваться дарами ея. Женщина умѣла собирать травы, лѣчить ими, иногда она прямо имѣла какое то вѣдѣніе, вѣщую силу, дававшія ей право на вліяніе въ народѣ.

Въ былинахъ, представительницей такой вѣщей жены является Марина, жившая въ Кіевѣ въ эпоху богатырей: чарами своими захотѣлось ей приворожить могучаго богатыря Добрыню Никитича; идетъ онъ разъ по Кіеву, говорится въ былинѣ, и видитъ на теремѣ Мариниомъ два голубя цѣлуются-милуются; показалось ему, будто они насмѣхаются надъ нимъ; натянулъ онъ тугой лукъ и пустилъ стрѣлу каленую, но рука его дрогнула и попала стрѣла въ окошечко косящатое, прямо къ Маринѣ въ горницу; а она въ то время наряжалась, бѣлилась да румянилась; въ сердцахъ выбѣжала она къ Добрынѣ, стала бранить его, но тотъ надъ угрозами ея женскими только насмѣхается.

Осердилась Марина, собрала въ горсть

слѣды отъ ногъ его молодецкіе и жгла ихъ въ печкѣ, съ зельемъ, приговаривая:

Какъ бѣлодубовы дрова разгораются,
Такъ бы разгоралось сердце молодецкое
У молода Добрыни-Никитича.
Какъ слѣды молодецкіе загораются,
Такъ бы загоралась кровь богатырская
У молода Добрыни-Никитича.

Добрыня, дѣйствительно, съ той поры не знаетъ покою, высматриваетъ, выслѣживаетъ Марину и наконецъ, заставъ у нея друга милаго Змѣя Горыныча, выгоняетъ его чуть не убивъ, за что Марина обращаетъ его въ гнѣдого тура съ золотыми рогами.

Въ этой былинѣ—Марина, молодая, красивая женщина, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ всѣ данныя для званія Кіевской вѣдьмы: колдуетъ съ зельемъ на огнѣ, знается со Змѣемъ Горынычемъ и обладаетъ чарами обращать людей въ животныхъ; однако, это очевидно никого не смущаетъ и не удивляетъ и Добрыня въ концѣ концовъ женится на ней.

Съ принятіемъ христіанства, вѣщій характеръ, который воспитала въ женщинѣ языческая Русь, все еще остается, но переходитъ уже въ пониманіи народа въ какую то злую силу, многихъ за это пытаютъ, жгутъ, казнятъ, зараженные пришедшей изъ Византіи ненавистью къ женщинѣ—клеймятъ именемъ колдуній даже такихъ женщинъ, которыя своимъ любознательнымъ и пылкимъ умомъ старались добиться благого для человѣчества результата, собирая цѣлебныя травы, ища облегчить недуги людскіе (какъ княжна Добродѣя Кіевская.).

Я окончу описаніе языческой женщины, коснувшись еще одной стороны ея характера—удальства и силы физической.

Былина, вмѣстѣ съ извѣстными могучими богатырями—мужчинами, сохранила намъ образы женщинъ—багатырей; это — паленицы удалыя, разъѣзжавшія верхомъ, съ палицей въ рукахъ, совершенно какъ богатыри—мужчины.

Съ одною изъ нихъ, Настасьей, встрѣчается Добрыня Никитичъ. Настасья Никулишна, дочь Никулы Селяниновича, богатыря,

олицетворяющаго нашу земскую силу, оратая, т. е. пахаря—земледѣльца. Настасья, такимъ образомъ, дочь села, сила земледѣльческая и настолько могучая, что Добрыня, одинъ изъ сильнѣйшихъ богатырей, изображенъ при встрѣчѣ съ ней въ какомъ то комично-тщедушномъ видѣ: когда онъ догналъ ее, то ударилъ со всего маху и разъ и другой палицей булатной въ голову; но паленица даже не обернулась; наконецъ, когда онъ ударилъ ее въ третій разъ:

Паленица назадъ пріоглянется. Сама говоритъ таково слово:

«Я думала, что комарики покусываютъ
«Ажно русскіе, могучіе богатыри пощелкиваютъ.
«Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
«Посадила его въ глубокъ карманъ,
«Везла она Добрыню трое сутокъ.

Потомъ эта Настасья Никулишна дѣлается женою Добрыни.

Также на паленицѣ женится и богатырь Донъ Ивановичъ.

Еще два примѣра замѣчательной удали женской, превосходящей мужскую являютъ—въ Кіевскомъ циклѣ жена Ильи Муромца, Савишна, а въ Новгородскомъ—дѣвушка-чернавушка, прислужница честной вдовы Мамелфы Тимофѣевны, которая спасла сына ея, молодого богатыря Василія Буслаевича отъ ярости «мужиковъ Новгородскіихъ», защищаясь коромысломъ и потомъ принесла богатыря на рукахъ домой къ матери.

Савишна же, жена Ильи Муромца, въ отсутствіи мужа, одѣла богатырское платье, сѣла на коня и поѣхала въ Кіевъ къ Владиміру вмѣсто мужа защищать Кіевъ отъ Тугарина. Она билась такъ храбро, что всѣ приняли ее за Илью Муромца, а Тугаринъ, испугавшись:

Убѣжалъ въ свои улусы заморскіе
Проклинаючи богатыря Илью Муромца;
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ
«Кто за него бился съ Тугариномъ!

Таковъ образъ русской женщины начала Руси, который намъ даютъ, дошедшіе до насъ, памятники старины; они сохранили

намъ свѣтлую страничку въ грустной исторіи русской женщины, они ясно нарисовали намъ ее всю, какъ она была—свободная и смѣлая, вольная въ выборѣ мужа и устройствѣ своей судьбы, удалая и сильная въ походѣ, мудрая и разсудительная въ дѣлахъ—она не только во всемъ равна мужчинѣ, она зачастую выше него, она мудрѣе и ловчѣе него, она и дѣлецъ и воинъ, и мать, и жена.

Не въ томъ, впрочемъ, дѣло, что она высоко стоитъ по нравственнымъ и физическимъ качествамъ своимъ—русская женщина во всѣ времена была вѣрна себѣ и достойна своей родины—а въ томъ дѣло, что въ зачаточныя времена русской жизни ей дана была такая свобода, въ которой широко и вольно могли развернуться ея природныя качества, и о которой бѣдная русская женщина-затворница послѣдующихъ вѣковъ не смѣла и во снѣ грезить! . . . . .

Христіанство принесло иные обычаи, иные нравы. Появившись въ Византіи во время полнаго упадка нравовъ, полной пресыщенности роскошью, лѣнью, развратомъ—оно, естественно, произвело реакцію. Отрицаніе всего мірскаго плотскаго доходило до аскетизма.

Византійская литература обрушилась на все житейское—было ли то дѣйствительно языческое, или просто нравъ, обычай жизни.

Особенное вниманіе было обращено на женщинъ; и дѣйствительно византійская женщина прославила себя даже на Императорскомъ тронѣ—такими дѣяніями, которыя требовали самаго безпощаднаго, суроваго осужденія. Поэтому, въ литературѣ она становится предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній. Выростаетъ образъ *злой, грѣховной* жены, типъ нравственнаго безобразія и аскетическаго омерзѣнія вообще къ женскому существу [1]).

Этотъ взглядъ, вслѣдъ за христіанствомъ,

---

[1]) Забѣлинъ Домашн. быть Русск. Царицъ.

по немногу, съ литературой проникаетъ и къ намъ и значительно мѣняетъ отношеніе къ женщинѣ и ея поступкамъ.

Наивные и чистые умы славянъ, жаждавшіе свѣта и истины новой религіи, приняли, конечно, съ полнымъ благоговѣніемъ и этотъ взглядъ на женщину, подносимый какъ необходимый комментарій основъ религіи.

Здѣсь то взяла начало и развилась впослѣдствіи въ такую тяжелую форму восточная идея о великомъ превосходствѣ мужчины надъ женщиной, о великомъ неравенствѣ мужского существа и женскаго.

На женщину, конечно, больше всего вліяетъ этотъ взглядъ новой религіи, быть можетъ нужный для развращенной Византіи, но совсѣмъ лишній у насъ. Она первая, съ жаромъ и увлеченіемъ, отдается новой вѣрѣ, (первая, принявшая христіанство на престолѣ была кн. Ольга)—и смущается непонятной и невѣдомой злобой, обрушивающейся на ея голову тѣмъ страннымъ осужденіемъ, котораго русская женщина не заслуживала, да которое не къ ней и относилось, и

пришло готовое, съ византійской литературой.

И вотъ, смущенная и стѣсненная въ своей свободѣ, не увѣренная въ дозволенности религіей многихъ своихъ поступковъ—она обрѣтаетъ въ иночествѣ единственную, доступную ей цѣль жизни, и въ этой узкой области совершаетъ подвиги и находитъ дѣятельность, на которую бы можно было излить ея еще не изсякшую любовь къ жизни, ея энергію и нравственную силу.

Такимъ образомъ, первыми подвижниками монашескаго идеала являются, опять таки, женщины.

Изъ княжескаго рода первыми постригались дечери Всеволода и сестры Мономаха—Янка (Анна) и Евпраксія. Янка собираетъ вокругъ себя монахинь и учреждаетъ первый монастырь въ 1086 г. Но, и будучи монахиней, она не утрачиваетъ еще своей свободы и энергіи русской женщины: когда умеръ въ Кіевѣ митрополитъ, она сама отправляется въ Византію и приводитъ новаго.

Дочь Владиміра Мономаха, Марица, тоже уходитъ въ монастырь (въ 1146 г).

Приблизительно къ тому же времени относится свѣтлый образъ княжны Предславы, внучки князя Полоцкаго, Всеслава Брячиславича. Житія Святыхъ такъ говорятъ о ней:

Съ юныхъ лѣтъ она выказывала такую любовь къ ученію, что изумляла тѣмъ родителей. Такъ какъ при ея умѣ она была необыкновенно красива—то къ ней рано начали свататься женихи.

Но сердце ея давно уже отдано было Богу и она удалилась въ иноческую обитель и здѣсь постриглась подъ именемъ Евфросиніи [1]). Замѣчательно, что въ монастырѣ она занималась списываніемъ книгъ, т. е. содѣйствовала развитію просвѣщенія въ то время. Позднѣе она основала свой монастырь, до сихъ поръ еще существующій въ Полоцкѣ. Пользуясь родствомъ съ византійскимъ Императоромъ Алексѣемъ Комненомъ, она выпросила у него для своего монастыря одну изъ трехъ иконъ, по преданію написанныхъ

---

1) Житія Святыхъ митрополита Филарета преставл. препод. Евфросиніи, княжны Полоцкой.

евангелистомъ Лукою. Она побывала, уже будучи инокинею, и въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ.

Однако же и въ этой области подвижничества и святости—суждена была русской женщинѣ не очень счастливая доля: немногія изъ нихъ получили ореолъ святости и упоминаются въ Житіяхъ и тѣ почти всѣ—княжескаго рода; о простыхъ же намъ невѣдомо почти ничего, хотя конечно и между ними не мало было достойныхъ и замѣчательныхъ.

Русская женщина, говоритъ Буслаевъ, имѣетъ полное право жаловаться на невниманіе къ ней старинныхъ грамотниковъ.

Да и вообще мы удивительно мало цѣнимъ то, что у насъ есть великаго и хорошаго и восхищаемся всѣмъ чужимъ, повторяя затверженные уроки о чужихъ подвигахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, малыя дѣти знаютъ классическій поступокъ Лукреціи, онъ имѣется во всѣхъ учебникахъ древней исторіи, а многіе ли знаютъ о нашей русской Лукреціи, княгинѣ Ульянѣ Вяземской, которую князь

Юрій Смоленскій, уславъ мужа ея, князя Семена на войну, хотѣлъ обезчестить? но она, защищаясь, выхватила ножъ и ранила его въ руку, за что была заживо изрублена Юріемъ и брошена въ прорубь.

Но и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя дошли до насъ въ лѣтописяхъ, проскользнули, то здѣсь, то тамъ въ разныхъ источникахъ, даютъ намъ ясное представленіе о русской женщинѣ христіанкѣ и мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что она высоко держала знамя чистоты и величія.

Въ книгѣ о Россійскихъ святыхъ XVIII вѣка есть краткія описанія подвиговъ женщины, гдѣ за сухой и сжатой передачей видна такая драма, отъ которой волосъ дыбомъ становится.

Такъ напр:

Переяславль Залѣсскій.

Святая благовѣрная княгиня Евпраксія (жена св. благовѣрн. кн. Ѳеодора Юрьевича) сама ринуся съ высока терема за чистоту тѣлесную и съ сыномъ своимъ, княжичемъ Іоанномъ, единолѣтнимъ.

Это означаетъ, что княгиня Евпраксія пред-

почла смерть невѣрности. Какая сила нравственная, какая чистота убѣжденій.

«Святая благовѣрная Великая княгиня Агафія Всеволодовна Чермнаго, жена князя Михаила Черниговскаго, и Св. княгини Марія и Христина, снохи ея и св. княжна дочерь ея, Ѳеодора дѣвица, пострадаша отъ Батыевыхъ татаръ во взятіи града Владиміра, въ соборной церкви отъ огня и дыма скончашася въ лѣто 6747 Февраля въ 3 день, во иноцѣхъ.»

Представьте себѣ кучку женщинъ, однѣхъ беззащитныхъ, такъ какъ мужья ушли воевать съ татарами, и эти женщины заперлись въ храмѣ, ища въ немъ прибѣжища и спасенія и съ молитвой на устахъ предпочли заживо сгорѣть, чѣмъ отдаться позору татарщины! . . .

Вообще можно сказать, что какъ война родитъ героевъ, такъ и татарское нашествіе родило святыхъ; во время этого ужаснаго бѣдствія духъ народный достигъ особеннаго подъема, а вѣра—особенной крѣпости. Женщины искали спасенія въ монастыряхъ и тогда то монашество развилось среди нихъ съ особенной силой.

Естественно, что единственное спасеніе отъ дикихъ полчищъ, творившихъ всевозможныя звѣрства надъ ними—можно было искать только у Бога — люди были безсильны. Некогда и некому было записывать длинный мартирологъ женщинъ, всѣ страданія и муки, перенесенныя ею, передавались шопотомъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнья въ поколѣнье.

И вотъ по всей Руси, памятью о страшномъ времени и о подвигахъ беззащитныхъ женщинъ — остались легенды и преданія. Много ихъ разсѣяно по Волгѣ и Окѣ, по глухимъ городкамъ и мѣстечкамъ, но во всѣхъ красною нитью проходитъ идея кремневой стойкости и сопротивленія, страшныхъ мукъ, которыя выпали на долю русской женщины въ это тяжелое время.

Извѣстный собиратель легендъ и поэтъ—Навроцкій изъѣздилъ всю Россію и собралъ много неизвѣстныхъ дотолѣ народныхъ сказаній, которыя онъ изложилъ въ красивой стихотворной формѣ.

Ужасъ охватываетъ, когда развернется передъ вами длинная вереница молодыхъ жиз-

ней, погибшихъ при самой трагической ужасной обстановкѣ.

Вотъ, напримѣръ, содержаніе легенды объ одномъ женскомъ монастырѣ на Волгѣ:

Къ монастырскимъ воротамъ дорвалась дикая татарская орда и бревномъ начинаетъ высаживать крѣпкія монастырскія ворота; всѣ чернички въ ужасѣ собрались въ церкви, откуда былъ подземный ходъ къ берегу Волги.

Когда татары уже выломали ворота, монашенки бросились по подземному ходу и очутились на крутомъ берегу; тогда одна изъ нихъ, передняя, взяла за руку сосѣдку, та слѣдующую и такъ до послѣдней, пока не составилась длинная цѣпь; первая взбѣжала на крутой и длинный выступъ берега и бросилась въ Волгу, не выпуская руки слѣдующей; такъ всѣ онѣ, одна за одной, длинной цѣпью исчезали въ водѣ и ни одна изъ нихъ не оторвалась, не задумалась, всѣ предпочли лучше погибнуть, чѣмъ отдаться татарамъ.

Другая легенда разсказываетъ о кончинѣ Домникіи Черниговской, которая также, какъ

и княгиня Евпраксія, бросилась съ маленькимъ сыномъ съ колокольни церкви.

Въ юридическомъ отношеніи русская женщина, сдѣлавшись христіанкой, все еще сохранила свои права; она еще считалась закономъ лицомъ самостоятельнымъ; при правѣ владѣть имуществомъ и располагать имъ по своей волѣ она разсматривалась закономъ, какъ равная мужу и имѣла даже нѣкоторыя преимущества [1]).

Виновный въ обидѣ женщины получалъ тройное наказаніе: онъ платилъ обиженной за срамъ, Епископу за вину и еще подвергался особому наказанію отъ князя.

Какъ жена, русская женщина стоитъ на одномъ уровнѣ съ мужемъ, говоритъ Добряковъ. *Подружье* названіе жены въ книжномъ языкѣ, *ладой* зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Въ словѣ о полку Игоревѣ Ярославна говоритъ: уже намъ своихъ

---

[1]) Добряковъ 1804 г. Русскія Женщины.

милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни очима съглядати.

Замѣчательный примѣръ вліянія умной русской женщины на мужа даетъ житіе Св. Февроніи Муромской, и примѣръ этотъ особенно интересенъ потому, что Февронія, съ ея большимъ умомъ, необыкновенными для того времени медицинскими познаніями была дочь народа; отецъ ея былъ простой древолазецъ-бортникъ, т. е. вѣроятно промышлялъ медомъ, собираемымъ имъ съ деревьевъ, гдѣ роились пчелы.—Еще будучи у отца, она была извѣстна своимъ умомъ и слава о ея удачныхъ врачеваніяхъ разносилась далеко.

Когда заболѣлъ тяжелой болѣзнью князь Муромскій—Давидъ Юрьевичъ, и все тѣло его покрылось струпьями—она излечила его мазью. Князь, признавъ по разговору и поступкамъ высокія качества дочери бортника, далъ слово взять ее въ жены, но потомъ нашелъ для себя такой бракъ недостойнымъ. Болѣзнь его возобновилась, Февронія опять вылечила его и признательный князь женился на ней.

Недовольная этимъ бракомъ, Муромская знать потребовала отъ князя—или удаленія жены, или отреченія отъ престола; князь предпочелъ послѣднее.

Вдали отъ престола, всѣми оставленный, онъ доходилъ до нужды и отчаянія, но жена его и здѣсь выказывала мудрость и умъ, и утѣшала, говоря: не печалься, князь, милостивый Богъ не оставитъ насъ въ нищетѣ, точно предвидѣла, что имъ не на долго послано испытаніе; и дѣйствительно, въ Муромѣ начались раздоры и споры за престолъ, и бояре опять обратились къ князю Давиду и княгинѣ Февроніи съ просьбою о возвращеніи въ Муромъ, гдѣ онъ справедливо и счастливо княжилъ. Княгиня же прославилась, какъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Оригиналенъ ея отвѣтъ одному любителю чужихъ женъ: она была очень красива и одинъ женатый человѣкъ сильно увлекся ею; разъ во время самыхъ пылкихъ объясненій, они плыли въ лодкѣ по Окѣ:—почерпни воды съ этой стороны судна, сказала ему княгиня; тотъ почерпнулъ. «Испробуй, какова?» онъ вы-

пилъ. «Теперь почерпни воды съ другой стороны судна и попробуй ее,» сказала княгиня, и когда онъ исполнилъ ея волю, княгиня спросила: находишь ли разницу между тою и другою водой? «Никакой,» отвѣтилъ тотъ. Святая продолжала тогда: точно такъ одинаково естество женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой.

Оба святые супруги умерли, по преданію, въ одинъ день, принявъ иночество подъ именемъ Петра и Февроніи; мірское же имя Февроніи—было Евфросинія.

Почти каждая область древней Руси рисуетъ намъ въ своемъ житейникѣ, въ своихъ преданіяхъ ту или другую сторону быта и характера русской женщины; Муромскій житейникъ даетъ намъ характеристику идеальной жены; другая «легенда объ Унженскомъ Крестѣ» даетъ намъ наивную и идеальную характеристику любви двухъ сестеръ Маріи и Марѳы.

Обѣ были дочерьми одного вельможи, Марію выдали замужъ за Іоанна въ Муромскую область, а Марѳу за Логина въ Рязанскую. Іоаннъ былъ знатенъ, но бѣденъ, а

Логинъ богатъ, но простого рода,—и когда они съѣхались разъ на пиръ къ тестю, то сильно повздорили изъ за мѣстъ: Іоаннъ хотѣлъ выше сѣсть по знатности и какъ старшій зять, а Логинъ, какъ богачъ; не смотря на все стараніе женъ своихъ они разъѣхались сильно поссорившись и до самой смерти не видались и женъ своихъ не пускали.

Когда обѣ сестры овдовѣли, что случилось въ одно и то же время, имъ захотѣлось свидѣться, и обѣ выѣхали одна къ другой, не зная о томъ; на полдорогѣ обѣ разбили шатры и остановились на ночлегѣ; меньшая послала слугу своего спросить, кто стоитъ тамъ; и если это женщина—то сойдемся въ одинъ станъ, а если мужчина—разойдемся и поѣдемъ дальше, каждый своей дорогой.

Онѣ наконецъ встрѣтились, узнали другъ друга, страшно обрадовались, и отъ радости свиданія долго не могли уснуть, разсказывая другъ другу свою жизнь; когда онѣ наконецъ заснули, каждая изъ нихъ увидѣла одинаковый сонъ—имъ явился ангелъ и далъ золота и серебра на сооруженіе въ золотѣ

Животворящаго Креста, а въ серебрѣ Ковчега, повелѣвъ отдать это золото и серебро первому человѣку, котораго встрѣтятъ по утру; проснувшись, онѣ нашли дѣйствительно у себя за рукавами золото и серебро и увидѣли идущихъ по дорогѣ трехъ монаховъ. Они отдали имъ золото и серебро и разсказали обо всемъ. «Для того мы къ вамъ и пришли, сказали монахи, и, взявъ золото и серебро, пошли дальше. Когда сестры вернулись въ Муромъ и разсказали обо всемъ родственникамъ, тѣ, не довѣряя старцамъ и пожуривъ сестеръ за легкомыслiе, рѣшили отправиться на поиски старцевъ. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ сестры ихъ встрѣтили, они рѣшили разъѣхаться въ разныя стороны искать, при чемъ, не довѣряя другъ другу, порѣшили, чтобы слуга одного ѣхалъ съ господиномъ другого и т. д.

Но не успѣли они разъѣхаться, какъ на дорогѣ показались трое монаховъ, несшiе Животвор. Крестъ въ золотѣ и Ковчегъ въ серебрѣ.

Старцы отдали Крестъ Маріи и Марѳѣ и онѣ поставили его въ церкви Михаила Архангела въ Унженскомъ стану на р. Унжѣ.

Не смотря на нѣкоторую искусственность этого разсказа, и его умышленную симметрію во всемъ (такъ какъ онъ возникъ въ то время, когда символизмъ и наивная симметрія иконописнаго стиля господствовали въ искусствѣ [1])—все же онъ даетъ нѣкоторыя яркія бытовыя черты. Прежде всего бросается въ глаза грубость нравовъ тогдашняго общества: споры изъ за мѣстъ, недовѣріе, заставляющее приставлять чужихъ слугъ для соглядатайства; женщина является много культурнѣе, старается смягчать грубость, сторонясь своимъ мягкимъ, чуткимъ сердцемъ отъ всякихъ раздоровъ и зла и страдая отъ этого.

Далѣе мы узнали, что женщины самостоятельно пускались однѣ въ дорогу, что̀ было не такъ легко, если вспомнимъ о первобытномъ состояніи дорогъ въ то время, что онѣ легко сближались съ другими незнакомыми женщинами, но мало довѣряли вѣжливости мужчинъ, и, встрѣтившись на пути съ мужчиною, немедленно удалялись [2]).

---

1) Буслаевъ.

2) Ѳ. Буслаевъ. Древнерусск. народная литература и искусство СПБ. 1861 г.

Говоря о знаніяхъ и мудрости, объ умѣ русской женщины первыхъ временъ христіанства на Руси, я должна упомянуть о самомъ замѣчательномъ и весьма маломъ извѣстномъ образцѣ такового сочетанія знаній и ума, о которыхъ мужчина того времени имѣлъ весьма смутное представленіе. Эта замѣчательная русская женщина—дочь великаго князя Мстислава Владиміровича и внука Владиміра Монамаха—Евпраксія; народное имя ея было Добродѣя; еще съ дѣтства заинтересовалась она цѣлебными свойствами травъ и могла подавать полезные совѣты въ той или другой болѣзни.

Въ 1122 г. она вышла замужъ за византійскаго царя Алексѣя Комнена, старшаго сына императора Колуяна Комнена, при чемъ въ это время, при бракосочетаніи и короно-ваніи она получила новое имя—царицы Зои.

Довольно долго она не имѣла дѣтей, вела тихую жизнь въ обществѣ византійскихъ царевенъ и царицъ.

Въ самомъ центрѣ византійской образованности Зоя настолько освоилась съ греческ. языкомъ, что могла пополнять свои занятія

черезъ ученыхъ того времени, и посредствомъ чтенія медицинск. трактатовъ.

И вотъ, русскій ученый, Хрисанфъ Меѳодіевичъ Лопаревъ (отъ котораго мы и имѣемъ, непосредственно, всѣ эти свѣдѣнія), находитъ недавно во Флоренціи, въ библіотекѣ Лоренцо Медичи медицинское сочиненіе, подъ заглавіемъ «Алимма» т. е. «Мазь» и принадлежащее перу царицы Зои, нашей Евпраксіи — Добродѣи, написанное ею еще при жизни своего супруга, т. е. въ 30-хъ годахъ XII-го вѣка.

Разсказываю объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, со словъ Х. М. Лопарева:

«Все сочиненіе Зои можетъ быть раздѣлено на пять небольшихъ частей, изъ нихъ *первая* часть можетъ быть названа: Общія замѣчанія о гигіенѣ. Подобно средневѣковымъ медикамъ, Зоя исходитъ изъ характеристики четырехъ странъ свѣта: востока (характерная сторона его: теплота и сухость), запада (холодъ и сухость), юга (теплота и влажность) и сѣвера (холодъ и влажность). Сообразно съ этимъ и человѣческіе организмы характеризуются четвероякимъ образомъ. Здѣсь уже имѣется

зародышъ средневѣковаго ученія о четырехъ темпераментахъ: сангвиническомъ, холерическомъ, флегматическомъ и меланхолическомъ. Далѣе Зоя разсматриваетъ вопросъ о временахъ года, поскольку каждое изъ нихъ вліяетъ на тотъ или другой организмъ, какія яства полезны одному и вредны другому тѣлу. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя мелкія главы: о движеніи и покоѣ, объ умѣренной пищѣ и питіѣ, о снѣ и пробужденіи, о потѣ и о банѣ.

Вторая глава Зоиной «Мази» можетъ быть названа: Гигіена брака, беременной и тѣла ребенка.

Третья глава: Гигіена питанія.

Четвертая глава: Наружныя болѣзни, (о болѣзняхъ рта, когда зубы качаются, на дурной запахъ изо рта).

Пятая глава: Внутреннія болѣзни (болѣзни сердца и желудка).

Кажется нѣсколько страннымъ, почему книга съ такимъ содержаніемъ озаглавлена Зоею словомъ «Мазь». Впрочемъ о мази и о намазываніи, какъ терапевтическомъ средствѣ, очень часто говорится въ сочиненіи; Зоя

дала своему сочиненію такое заглавіе быть можетъ по преимущественному употребленію этого рода терапіи.

Главная особенность «Мази» сравнительно съ другими средневѣковыми медицинскими руководствами заключается, во первыхъ, въ томъ, что Зоя не дѣлала буквальныхъ выписокъ изъ старыхъ книгъ,—она вдумчиво относилась къ своему предмету, излагая тотъ или другой изъ нихъ своими словами. Поэтому найти основной источникъ, которымъ бы она могла пользоваться для своего труда, невозможно, хотя и можно указать на руководства XI столѣтія, съ которыми она могла быть знакома. А это говоритъ о значительной самостоятельности Зои, какъ автора руководства. Во - вторыхъ отличіе Зоиной книги заключается въ возможной общности предмета, который трактуется: она даетъ *общее* руководство по гигіенѣ; тогда какъ другіе медики разрабатывали какіе нибудь отдѣльные вопросы гигіены (напр. одинъ писалъ только о сердцебіеніи, другой о распознаваніи болѣзней и. т. д.). Третья особенность «Мази» это новизна нѣкоторыхъ поставленныхъ Зоею

вопросовъ. Ни древніе, ни средневѣковые врачи не касались такихъ сторонъ, какъ напр. гигіена беременной, уходъ за ребенкомъ. Русская женщина, сама бывшая матерью, нашла нужнымъ удѣлить вниманіе и этому важному вопросу гигіены.

Дочь своего времени, Зоя въ вопросахъ медицины стояла въ уровень съ понятіями тогдашнихъ врачебныхъ знаменитостей. Слабости ея—это слабости тогдашней медицинской науки. Однако нужно сказать, что Зоя избѣгла очень много такого, что представляло медицину въ невыгодномъ свѣтѣ, напр. устранивъ изъ руководства самыя невѣроятныя средства при нѣкотораго рода болѣзняхъ.»

Итакъ, вотъ что разсказываетъ намъ объ открытомъ имъ сочиненіи Х. М. Лопаревъ.

Я считаю открытіе этого трактата эрой для исторіи русской женщины; до сихъ поръ мы довольствовались мнѣніями современниковъ, объ умѣ или знаніяхъ той или другой замѣчательной женщины и должны были даже считаться съ субъективностью взгляда на ея поступки. До насъ—непосредственно ничего

не дошло, ни одинъ личный трудъ ея, ничего, гдѣ бы мы видѣли ее нравственное «Я».

Русскія женщины — какъ и княжна полоцкая Евфросинія писали, переписывали и переводили книги —но не въ обычаѣ того времени было подписываться, и книги эти намъ неизвѣстны, онѣ не дошли до насъ; ни одной автобіографіи, очень мало правдивыхъ разсказовъ и воспоминаній современниковъ.

И вдругъ передъ нами появляется цѣлое серьезное научное сочиненіе, трактующее о такихъ вопросахъ, которыми стали серьезно заниматься лишь много вѣковъ спустя.

И авторъ этого сочиненія женщина—русская княжна Добродѣя.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что русская женщина великокняжескаго періода— не только равна была, но далеко опередила тогдашній Западъ, тонувшій еще въ невѣжествѣ, этотъ Западъ, за которымъ мы теперь никакъ угнаться не можемъ. Ее сдавили, стѣснили пять тяжелыхъ и долгихъ

вѣковъ затворничества, въ теченіе которыхъ она вынесла приниженіе личности, ограниченіе всѣхъ правъ вплоть до полнаго отрицанія въ ней всякихъ человѣческихъ качествъ.

Она забыла, что и она была человѣкъ, а не самка, мыслящій, вольный, дѣятельный, и покорилась неизбѣжному.

Но настали времена свѣтлѣе, о женщинѣ вспомнили и, мало по малу, въ ея темницѣ продѣлали крошечное окошечко; она почувствовала свѣтъ и воздухъ, почувствовала, что не заглохли еще Богомъ данныя ей силы, и стала биться въ темницѣ, и все шире и шире пробивать себѣ брешь, пока стѣна не рухнетъ—и она, свободная и вольная, полетитъ къ манящей ее свѣтлой лазури,—знанія и разума.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР

Stu